

А. В. Корниенко

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0532-3760

E-mail: av.kornienko@mail.ru.

Дискурс «Фейсбука» в непрямом диалоге с властью

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты анализа дискурса «Фейсбука» в его отражении в извлеченных из него словах, выражениях и фразах, ставших победителями ежегодно проводимого в России в течение 12 лет конкурса «Слово года». Сам конкурс, имеющий международный статус, проводится с целью выявления тех слов, выражений и фраз, укорененных в языке либо только появившихся в истекшем году, которые приобрели в контрольный период общественное звучание, получили общественный резонанс. Именно они, признанные Экспертным советом Центра творческого развития русского языка призерами конкурса на основании строгих количественно-качественных критериев отбора, по убеждению экспертов, отражают подлинные устроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества. Качественный анализ полного массива призеров конкурса ориентировался на определение его ключевых характеристик. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о нескольких сложившихся к настоящему времени тенденциях функционирования фейбучного дискурса, а именно его отчетливой политизации, критичности по отношению к высказываниям и действиям власти, негативной сверхоценочности, насыщенности элементами языковой игры, направленной на намеренное понижение оценочных смыслов. Также исследование показало: абсолютное большинство неологизмов-призеров конкурса, возникших как ответная реакция пользователей «Фейсбука» на управленческие решения власти, имеют русские корни и созданы на словообразовательной базе русского языка. Полученные результаты — свидетельство того, что в наши дни социальная сеть «Фейсбук» — активный участник непрямого диалога общества с властью, диалога критичного, повышено эмоционального, апеллирующего к языковой игре на понижение оценочных смыслов и предлагающего альтернативные обозначения социальных реалий. Слова же года, запечатлевающие в себе атмосферу наших дней, текущие события и отношение к ним людей, определяют проблематику столь необходимого двустороннего диалога общества и власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слова года; Интернет; интернет-дискурс; языковая игра; политический дискурс; русский язык; социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Корниенко Алла Владимировна, научный сотрудник, сектор социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург; 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: av.kornienko@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корниенко, А. В. Дискурс «Фейсбука» в непрямом диалоге с властью / А. В. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 46-56. — DOI 10.26170/pl19-05-04.

Стремительно вторгшиеся в наш обиход социальные сети быстро завоевали широчайший круг приверженцев. Сегодня один только «Фейсбук», прочно удерживающий первенство в рейтинге популярности соцсетей, имеет в России суточную аудиторию более шести миллионов человек [Facebook раскрыла ежедневную аудиторию в России 2019]. Социальные сети кардинально изменили нашу жизнь. Многие люди, профессионально свободные от создания связных и цельных текстов, стали добровольно и активно писать их для «Фейсбука», оттачивая навыки владения письменным языком. И это радует, поскольку по сей день наше школьное образование, увы, сконцентрировано на нормативности, правильности/неправильности языкового употребления, а не на умении выражать свои мысли и пользоваться языком в целях общения. Пишущие в «Фейсбуке» обрели тем самым значимый для себя канал

самовыражения и самопрезентации в публичном пространстве, социологи же обогатились дополнительным источником важной информации об отношении людей к происходящему, их настроениях и оценках разных событий. В свою очередь, лингвисты столкнулись с новыми объектами исследований: дискурсом социальных сетей и их языком, равно как и языком интернета в целом, существенно отличающимся от современного русского литературного языка, что видно хотя бы по вышедшему недавно «Словарю языка интернета» [Словарь языка интернета.ru 2016]. «Фейсбук» позволяет специалистам отслеживать языковые изменения, пополнение словарника, судить об особенностях неофициального языка, спонтанной языковой коммуникации. Вместе с тем соцсети в целом и «Фейсбук», о котором пойдет речь далее, в частности, стали открытым каналом непрямого диалога общества с властью, что подтверждают итоги еже-

годно проводимого в России в течение 12 лет конкурса «Слово года».

Несколько слов о самом конкурсе. Он имеет международный статус. В России впервые был проведен в 2007 г. Его инициатор, организатор и куратор — известный филолог, философ и культуролог М. Н. Эпштейн. Согласно замыслу, цель конкурса — выявление тех уже утвердившихся в языке слов, выражений и фраз, а также появившихся неологизмов, которые приобрели в текущем году общественное звучание, получили общественный резонанс. Именно они, с точки зрения организаторов конкурса, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества [Эпштейн 2013]. Из имеющихся в лингвистическом арсенале концепций: ключевых слов культуры (Анна Вежбицкая) [Вежбицкая 1999], лингвокультурных констант (Ю. С. Степанов) [Степанов 2004], ключевых слов текущего момента (Т. В. Шмелева) [Шмелева 1993] — концепция слов года теснее всего связана с последней. Она аналогичным образом опирается на критерий частотности слова, говорящий о его популярности или популярности реалии, им означенной, учитывает грамматический потенциал слова, его синтагматику и парадигматику, принимает во внимание факты языковой игры с ним.

В конкурсе четыре номинации: первые две — «Слово года» и «Выражение/Фраза года» — сфокусированы на уже бытующих в языке лексических единицах, третья — «Протологизмы» — аккумулирует новые слова и выражения. Четвертая номинация — «Антиязык», она же «Язык лжи, агрессии, пропаганды» — объединяет высказывания власти, относящиеся к контрольному периоду. Призеров конкурса определяет по специально разработанной формализованной процедуре Экспертный совет, созданный при Центре развития русского языка и объединяющий специалистов разного профиля: лингвистов, писателей, журналистов, культурологов, психологов, социологов. Первичный материал конкурса собирается через социальную сеть «Фейсбук». В сборе участвуют 300 человек, распределенных в две группы, после чего в работу вступают эксперты.

По итогам экспертного голосования в разные годы призерами конкурса избирались слова: *гламур, блог* — 2007 (обе лексемы, заметим, заимствованные и неполитизированные); *великодержавность, кризис* — 2008; *Болотная* — 2012; *проФАНация науки, наукопомрачение* — 2013; *бандеровцы, крымнаш* (именно в таком, слитном написании, которое оформилось очень быстро) —

2014; *беженцы* — 2015; *брексит, неужазант* — 2016. В номинации «Выражение/Фраза года» побеждали обороты *антисиротский закон, гибридная война, вмешательство в выборы*, фразы *хватит кормить Кавказ; правда в силе: кто сильнее, тот и прав*.

Анализ массива призеров конкурса разных лет по первым трем вышеназванным номинациям позволяет выделить несколько общих признаков, характеризующих слова, выражения и фразы года. Во-первых, победители конкурса, как правило, являют собой реакции пользователей «Фейсбука» на текущие политические события, высказывания и/или действия властей. Так, последний по времени конкурс-2018 запомнится словами «*новичок*», *токсичный, пенсия, пенсионер*, выражениями *солсберецкий собор* (другое всплывшее написание — «солберецкий собор» — менее распространено), *пенсионная реформа, театральное дело*, протологизмами *вохрократия, пенсиянин, выборрариум*, именующими соответственно власть силовиков, спецслужбу; россиянина, волею судеб дожившего до реформированной пенсии, и избирательный участок. Лишь на старте конкурса, в 2007 г., его победителями оказались далекие от политики слова *гламур, блог* и *нано-* (в качестве приставки); с 2008 г. и по сей день наблюдается активная политизация призеров конкурса. Среди них, конечно, имеются и такие лексические единицы, как *покемоны*, пришедшие к нам вместе с широко распространеннейшей по миру в 2016 г. компьютерной игрой, вызвавшей заметный общественный резонанс, или короткий, но меткий англицизм *хайп* (2017), или весьма актуальное словосочетание *банный день* (2014), подразумевающее тот самый день, когда пользователи «Фейсбука» банят (глагол образован от английского *ban* «запрещать» или «запрет» [Словарь языка интернета.ru 2016: 176]) тех, с кем прекращают общение в интернете, но все эти выражения выглядят скорее исключениями из наблюдаемых предпочтений пишущей в «Фейсбуке» публики.

Сказанное говорит в пользу политизации публичного дискурса «Фейсбука» и его языка, придания им политического характера. Данное обстоятельство вполне вписывается в наблюдаемую нами повсеместно политизацию различных сфер общественной жизни (науки, образования, культуры в целом), а значит, не остаются в стороне от названного процесса и его первоосновы — общественный дискурс вкупе с языком как универсальным средством социальной коммуникации. При этом политическая ангажированность

языка порой доводится до предельной черты, когда политическую подоплеку приобретают не только полнозначные слова, но даже неполнозначные предлоги. Достаточно вспомнить пресловутые *на Украине — в Украине, на Донбассе — в Донбассе*, расколовшие общество надвое и превратившиеся в маркеры политических позиций.

Второй признак массива победителей конкурса — их преимущественно негативный оценочный ореол. Преобладающая доля слов и выражений года явно тяготеет к левому, отрицательному полюсу оценочной шкалы. Они несут свой безусловный негативный заряд в самих себе, поскольку являются прагмемами — словами сдвоенного, «предметно»-оценочного значения, сохраняющими свой негативизм всегда, в любом контексте. Прагмема — то, что специалисты квалифицируют как самое сильное средство языкового воздействия коммуникатора на реципиента [Эпштейн 1991: 31], то, что Д. Болинджер справедливо назвал «заряженным оружием», которое стреляет всегда, намеренно или произвольно [Болинджер]. Примеры подобных слов — уже упоминавшиеся лексемы *токсичный, наукопомрачение, антисиротский (закон), (гибридная) война*, равно как и иные призеры конкурса: *(допинговый) скандал, гол-политика, распилокрация, Госдур, домогант, зломенитый* и пр.

Лингвисты констатируют: «В любом языке гораздо больше негативной лексики, чем позитивной, больше оскорбительной, чем хвалебной» [Кронгауз 2015: 158]. В общественном дискурсе аналогичная ситуация, а именно «асимметрия в оценках, направленная в сторону пессимизма», по выражению А. Вежибицкой: негативные оценки в своей совокупности стремятся перевешивать позитивные. Причина такого явления — в асимметрии самих оценочных предикатов «хорошо» (+) и «плохо» (–), подробно исследованной Е. М. Вольф и рожденной несоответствием способов выражения хорошего и плохого. Положительные оценки чаще ориентированы на отношение оценивающего субъекта к событию в целом, в то время как отрицательные предпочитают указывать на свойства и действия оцениваемого объекта, хотя бы и вымышленные [Вольф 2002: 20]. Кроме того, хотя «хорошо» означает и соответствие норме, и ее превышение, а «плохо» — всегда отклонение от нормы [Вольф 2002: 19], то, что поначалу вызывает радость и одобрение, с течением времени начинает восприниматься людьми как нормативное, должное и мыслится ими уже безоценочно, тогда как любое отклонение от нормы неизменно рождает острое недовольство.

Принимая во внимание существующую двойную асимметрию позитивных и негативных оценок, мы априори предполагали, что дискурс «Фейсбука» не есть исключение из общего правила и извлеченные из него слова года будут нести в себе оценочный дисбаланс, что и показал наш анализ. Новостью оказалось то, что превалирующая их часть — прагмема, в которых резко негативная оценка встроена уже изначально, а не сообщается контекстом их употребления. Добавим, что в массиве слов года почти совсем отсутствуют положительно заряженные прагмема, которые порой находим в призерах аналогичного конкурса других стран. К примеру, Китай в 2013 г. отметился словосочетанием *позитивная энергия* [Словарь перемен — 2014 2015: 21], а через пару лет иероглифом *неподкупность* [Словарь перемен — 2015—2016 2018: 100]; тогда же в Японии победителем был признан иероглиф, означающий «спокойствие», «безопасность» [Там же]. Установленные нами факты свидетельствуют о критическом отношении пользователей «Фейсбука» к решениям власти, которое они объективируют через социальную сеть. Оно и есть тот экстралингвистический фактор, который придает словам года отрицательную энергию.

Третий признак анализируемого массива призеров конкурса усматривается в пронизанности насмешкой значительной его части. Особенно это касается протологизмов — новых слов, выражений и фраз, возникших как ответная вербальная реакция на текущие политические события и демонстрирующих словообразовательные возможности пользователей «Фейсбука». Опираясь термином «насмешка», мы, в опоре на Большой толковый словарь русского языка, мыслим под ним «обидную шутку по поводу кого-, чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 600]. Лингвисты включают в семантическую формулу данного термина как минимум три элемента: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к объекту [Карасик 2013: 117]. Они подчеркивают преднамеренность насмешки и ее проникнутость духом оппозиционности коммуникатора по отношению к реципиенту. Функционально насмешка служит инструментом понижения оценки объекта, дискредитации описываемого; иными словами, насмешку можно определить как вид языковой игры, направленной на снижение оценочных смыслов^[1].

Среди победителей конкурса гуляют слова и выражения *Госдур, здравохоронение, наукопомрачение, зломенитый,*

домогант, стабилизец, пилинг и отка- тинг, депутаты и депутаты, фраза *вперед в темное прошлое* и многие дру- гие. В последнем по времени конкурсе, по- вторим, в номинации «Протологизмы» вы- двинулись слова *вохрократия, пенсиянин* и *выборрариум*. Примеры использования в «Фейсбуке» всего перечисленного не остав- ляют сомнений в их подчеркнута насмешли- вом характере: *всем — закон, себе — по- нятия, — вот что значит вохрократия; когда я стану пенсиянин, сосед мой бу- дет марсианин; в ходе весеннего вы- боррариума из предвыборной гонки ес- тественным путём убыло четверо кандидатов*. В заключительной фразе без- зымянный пользователь «Фейсбука» обы- грывает уже появившееся у слова *выборра- риум* вторичное, переносное значение: «из- бирательная кампания, сопровождающаяся скандалами, инсинуациями, драками или мелкими потасовками».

Еще ярче тенденция насмешливого, не- серьезного отношения к описываемому объек- ту проступает при взгляде на лексические единицы, хотя и не ставшие призерами кон- курса, но участвовавшие в нем и претендо- вавшие на победу. Среди них в общем списке претендентов 2018 г. находим слово *инопо- литянин*, означающее политика, который смотрит на жизнь словно с другой планеты, действия которого идут вразрез со здравым смыслом, и сложносоставное новообразова- ние *золотопогоно-гопота* (иное написание слитное: *золотопогоногопота*), хлестко именуемое гопничающий генералитет, слу- жащий не по закону и уставу, а по «понятиям». Среди них и выражение *сердечно-засудис- тая система*, указывающее на такое состоя- ние судебной системы, при котором судьи, при всем своим сочувствии и сострадании к под- судимому, вынуждены по указке сверху выно- сить обвинительные приговоры, и выражение *солсбермудский треугольник* — название для территории, на которой происходят не- понятные действия шпионского характера, переходящие в фарс, а также для самих этих действий. Из протологизмов-претен- дентов более ранних лет можно вспомнить *криминалиссимуса, распилократию, ба- нанотехнологии, обсирились, гиподер- жаву, карманизацию* и пр.

Насмешка, как отмечают специалисты, может нести в себе разную субъективную модальность, манифестирующую отношение говорящего или пишущего субъекта к сооб- щаемому и обнаруживающую его эмоцио- нальную реакцию на предмет сообщения. Насмешка может быть проявлением речевой (вербальной) агрессии; в подобных случаях

она определяется как одна из форм реали- зации данного психолингвистического фено- мена [Басовская 2004: 257]. Раскрывая с по- мощью метода свободного ассоциативного эксперимента содержание концепта «рече- вая агрессия» в языковом сознании россиян, Л. М. Закоян выяснила, что и обыденным сознанием насмешка мыслится как особая форма речевой агрессии [Закоян]. Вместе с тем насмешка может быть и индикатором пассивной реакции: вялого согласия, уста- лости, апатии, неверия в возможность позитивных изменений, — и средством самоут- верждения, и инструментом вытеснения страха, т. е. улучшения психологического состояния коммуникатора. Насмешкой мож- но бороться с пафосом, излишней патетич- ностью чьих-либо высказываний [Карасик 2013: 117]. Однако во всех означенных слу- чаях насмешка функционально действует одинаково: она всегда намеренно понижает оценку сообщаемого.

Р. М. Блакар — автор широко известной работы по анализу языка и его функциони- рования в структуре социально-политиче- ской деятельности — констатирует: «Через свое использование языка мы выражаем наше отношение и чувства к тому, о чем мы говорим, а это, в свою очередь, отражаясь, говорит нечто о нас самих, о наших целях, установках, ценностях и т. д.» [Блакар]. Ве- дущаяся из года в год в сообщениях «Фейс- бука» языковая игра на сознательное пони- жение оценочных смыслов подтверждает существование среди пользователей на- званной социальной сети отчетливого сег- мента несогласных с заявлениями властей, принимаемыми и реализуемыми ею управ- ленческими решениями и проводимым ею курсом в целом. Если, вслед за Н. Фэркло, усматривать в публичном дискурсе само- стоятельную форму социальной практики, следует признать, что современные дискур- сивные практики, реализуемые в «Фейсбу- ке» теми, кого привычно именуют оппозици- ей, порождают конкурирующий с официозом дискурс, по-иному описывающий и оцени- вающий политические события. Попутно от- метим, что распространяемые «Фейсбуком» альтернативные обозначения реалий обще- ственной жизни в своем абсолютном боль- шинстве имеют непосредственную привязку к отечественной действительности, внутрен- ней и внешней российской политике. Почти единственным исключением из этого общего правила выступает слово *брексит (brexit)*, признанное победителем конкурса 2016 г. не только в России, но и в Англии, Германии, Португалии [Словарь перемен — 2015— 2016 2018: 190—191].

Дополнительным индикатором обособленности дискурса «Фейсбука» от официального дискурса властей предстает еще одна аналитическая категория — *лейтмотив года*, введенная в ходе последнего по времени выбора призеров конкурса. Она охватила те слова, выражения и фразы-победители по всем номинациям, которые обнаруживают общий смысл и тему. Было выявлено несколько таких лейтмотивов: пенсия и пенсионная реформа; гибридная война и противостояние с Западом; яд, отравление, токсичность; развитие цифровой техники интернета. Но своеобразным «сверхлейтмотивом», получившим при голосовании экспертов наибольшее количество баллов, было признано противостояние власти и общества, связанное с жертвами государственного давления и произвола, с пресловутыми судебными процессами [Эпштейн 2018]. Упомянутый лейтмотив присутствует и в выражении-призере **театральное дело**, и во многих лексических единицах, попавших в общий список кандидатов для голосования (список кандидатов протяженностью около 300 лексических образований, отображающих новизну, своеобразие, исторический смысл текущего времени, формируется по предложениям участников групп «Слово года» на «Фейсбуке»), таких как **«Новое величие», мусорные бунты, «Зимняя вишня»**. К ним примыкают «пенсионные» мемы-победители^[2] конкурса: **пенсия, пенсионер, пенсионная реформа, пенсиянин**, отражающие коллизии государства с населением. Здесь же **репосты** и **блокировка**, сопряженные с борьбой с интернетом, и многие другие. Итак, слова года, запечатлевающие атмосферу наших дней и создающие портрет текущего года, проникнуты духом насмешки, а значит противопоставления власти. Критическое к ней отношение охотно выражается посредством языковой игры, которая определяется специалистами как игра с формой речи, ведомая для усиления ее выразительности и/или создания комического эффекта [Русская разговорная речь 1983: 172—173]. Но выбор пишущей в «Фейсбуке» публики падает, как видим, не на беззубую шутку, являющую собой базовую словесную форму комического, а на ее производную, задействующую механизм снижения. В условиях, когда власть, путая реальное и идеальное, приобрела привычку говорить о должном как о существующем в действительности или, напротив, придавать существующему статус должного, насмешка оказывается самой подходящей реакцией на сложившуюся ситуацию.

Наконец, еще один признак слов года — их очевидная «русскость». Сегодня многих тревожит огромное количество заимствований, влившихся в наш язык в последнее время. Различные техницизмы, англицизмы окружили нас такой плотной стеной, что породили расхожее мнение о «порче» русского языка и необходимости оградить его от иноязычных вливаний. Как следствие, Ассоциация учителей литературы и русского языка даже предложила создать в России лингвистическую полицию для защиты от засилья иностранных слов, что вызвало негативную реакцию академического сообщества [Левонтина 2018: 222]. Анализ подмассива протограмм показал, что они в своем абсолютном большинстве созданы именно на русской словообразовательной базе, т. е. произведены согласно существующим в языке словообразовательным моделям с использованием имеющегося в нем арсенала словообразовательных средств.

Не останавливаясь подробно на всех слово- и смыслообразовательных приемах, взятых на вооружение пользователями «Фейсбука», отметим лишь две самые частые модели, реализованные в нашем аналитическом материале: паронимическую аттракцию и контаминацию. Первая модель опирается на сходство в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов. По замечанию О. С. Иссерс, обстоятельно исследовавшей политическую лексикологию новейшего времени, оценочные новообразования, построенные на основе данной модели, очень характерны для социальной критики, ибо они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни [Иссерс 2014: 50]. Яркими примерами таких новообразований являются оказавшиеся на пике публичных дискуссий 90-х годов лексемы **демокрады, дерьмократы** и **прихватизация, прихватизаторы**. В нашем массиве это слова и выражения **здравохоронение, извирательная кампания, волеизъявление** (слово года — 2016 со значением «угасание и болезнь общественной воли, столь откровенно определившие исход прошедших в том году думских выборов»), **настомящее, Осколково** и пр. Вторая, контаминационная модель базируется на «междусловном наложении» и проявляется в порождении слов-гибридов. Как утверждает О. С. Иссерс, последние получили активное хождение в политической риторике постсоветского периода в целях дискредитации политических оппонентов [Иссерс 2014: 51]. Среди призеров конкурса мы находим **зломентый, религархию, кривосудие, выборрариум**, а также **злово** — победившее

в 2016 г. указание на то, что экспрессия злобы царит в российском общественном дискурсе, *гиподержаву* — клеймо для страны, находящейся на пути к упадку, и *нанопрезидента*, воплотившего насмешливый скепсис по поводу некогда провозглашенного экс-президентом Д. А. Медведевым технологического прорыва России.

Складывающаяся в целом на материале призеров конкурса картина политической дериватологии чрезвычайно многообразна. Находят место в ней и прием обманутого ожидания (*наукопомрачение, партия жуликов и воров*), и логическое несоответствие (*вперед в темное прошлое*), и обыгрывание устойчивых фраз (*хотели как лучше, а получилось навсегда*), и оксюморонные сочетания (*Госдура, вдохновенная пошлость*). Свою лепту вносит в нее антропонимическая игра с фамилиями политиков и других известных лиц (*кадыринг, депардировать*)^[3] и новообразование от выражений и фраз (*крымнаш, ихтамнеты*)^[4]. Здесь же имеют место префиксация (*обсирились, прикремленные*), суффиксация (*стабилизец, позитиффчик*), сокращение (*ЧВК Вагнер, креакл* — производное от словосочетания «креативный класс», сменившее позитивную оценку, заключенную в исходной форме, на противоположную. Если *креативный класс*, как утверждают О. С. Иссерс и Д. А. Ганеева, изучавшие бытование упомянутого концепта в блогосфере в 2012—2013 гг., воспринимался скорее как субъект гражданского общества и мыслился в связке с концептом «гражданские инициативы» [Иссерс, Ганеева 2013: 44], то ставший победителем конкурса-2013 *креакл* наполнен отчетливо негативными коннотациями). Краткий обзор задействованных в призерах конкурса приемов слово- и смыслообразования завершим сходным примером семантической трансформации, произошедшей с выражением *вежливые люди*. Попавшее во время крымских событий почти случайно в заголовок журналистского поста, оно мгновенно превратилось в повсеместно распространяемый СМИ мем, а затем и в бренд. Но запущенный в оборот эвфемизм быстро приобрел перевернутое «предметное» и оценочное значение, слившись с представлением об угрозе и опасности.

Понятно, что далеко не все лексические новообразования пользователей «Фейсбука» закрепятся в активном словаре современного русского языка. Язык — явление нерукотворное, развивающееся по своим внутренним законам; он вберет в себя нужное, откинув лишнее. Однако постоянно появляющиеся новые слова, выражения и

фразы, наполненные актуальными смыслами, несущие в себе дух нашего времени, свидетельствуют о том, что волновало людей на исходе нулевых и что волнует их теперь. Новые слова демонстрируют высокий креативный потенциал своих создателей, их способность моментально реагировать на текущие политические события. Новые слова подтверждают жизнестойкость словообразовательных практик русского языка и выявляют наиболее популярные из них. Когда-то Джеймс Тербер писал о «разрушительном залпе словесной артиллерии по крепости рассудка» [Цит. по Болинджер], имея в виду, что самый обычный акт номинации может воздействовать на формирование нашего отношения к обозначаемому. О скрытом влиянии языка на мышление убежденно говорил и Б. В. Вильде, усматривая в языке «не только некий способ *выражения*, но также и *формирования* мысли» [Вильде 2005: 25]. Лейтмотивом звучат во всемирно известной книге В. Клемперера строки шиллеровского дистиха о языке, который «сочиняет и мыслит» за нас [Клемперер 1998]. Р. Блакар, в свою очередь, констатирует тройное воздействие отдельной вербальной единицы на сознание реципиента, осуществляемое через ее референциальное значение, через ее эмотивно-эмоциональный компонент и через сопряженный с ней ассоциативный ряд [Блакар]. Новые слова как креаторы мыслей понуждают нас к новому восприятию реальности. Сам же язык — носитель информации и хранитель накопленного людского опыта и знаний — обладает ресурсом быть мощным распорядителем жизни.

Подтверждение выявленных анализом массива слов года тенденций мы нашли в материалах нового лексикографического издания — «Словаря перемен», созданного усилиями команды писательницы и филолога Марины Вишневецкой. Два выпуска этого издания, подготовленного М. Вишневецкой и членами собранного ею фейсбучного сообщества «Словарь перемен», запечатлели лексические новации интернета, прессы, теленовостей, относящиеся к 2014 г. и 2015—2016 гг. соответственно [Словарь перемен — 2014 2015; Словарь перемен — 2015—2016 2018]. Задуманное как словарь выражений и слов, вошедших в публичный дискурс или актуализировавшихся в нем в указанные годы, издание стало своеобразным лексикографическим дневником, почти ежедневником, отражающим происходящее в нашем обществе перемены. В отличие от формализованных количественно-качественных процедур, положенных в основу выбора слов года в конкурсе с тем же названи-

ем, привлекавшее наше внимание издание подчинено иной логике. Как явствует из аннотации, его задача — сложить для потомков некий языковой пазл, одновременно острый и парадоксальный, грубый и изысканный, зачастую неполиткорректный, собранный как из хорошо укорененных в языке слов, так и мимолетных, жизнь которых длилась не дольше породившего их информационного повода. Пазл, творимый вдогонку, по горячим следам, отстающий от времени на полшага, фиксирующий новый речевой опыт, слова и выражения, произнесенные пусть только один-единственный раз, или, напротив, закрепившиеся идиомы и мемы, — все то, что определяло речевую стихию недавно минувших лет. Новаторское лексикографическое изобретение, которое Гасан Гусейнов в предисловии к изданию назвал «нашим нооскопом — желанным прибором для изучения коллективного сознания соотечественников» [Гусейнов 2018: 9].

Подробное ознакомление с двумя выпусками «Словаря перемен» убеждает, что политическое в нем превалирует над всем остальным. Оба издания с полным правом могли бы именоваться общественно-политическим словарем 2014—2016 гг. Конечно, в них легко отыскиваются вышепредставленные слова года: **Госдура**, **кадыринг**, **гибридная война**, **вежливые люди**, **брексит**. Но есть в них и много иных причастных к политике лексических единиц, не столь распространенных, порою просто уникальных в своем одноразовом употреблении и все же обрисовывающих бытующие варианты осмысления переживаемых обществом событий. А то, что каждая словарная статья обоих изданий содержит ряд контекстов использования приведенной в ней лексической единицы и приблизительную дату ее появления в медийном дискурсе, превращает лексикографическую новинку в исторический документ. Среди включений в «Словарь перемен» находим возвращающуюся в нашу жизнь и язык **цензуру**, обозначение государственной военизированной организации **Росгвардия** и созданного в январе 2016 г. по инициативе министра обороны всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения **Юнармия**, т. е. нейтральные лексемы, оценочное значение которых может привноситься в них сопутствующим им контекстом. Однако значительно больше в рассматриваемых источниках лексических единиц с негативным оценочным потенциалом, часто очень сильным, обусловленным их «прагмемной» природой. Примеры критикующих действия властей лексических новообразований — выра-

жение **продуктовая инквизиция**, возникшее как реакция социальных сетей и СМИ на уничтожение запрещенных к ввозу в РФ продуктов, и **веерная голодовка**, образованное по аналогии с веерными отключениями воды, электричества, отопления применительно к протестной акции многодетных матерей и матерей детей-инвалидов в Волгоградской области. Здесь же выражение **контртуристическая операция**, появившееся в Сети в связи с приостановкой туристического потока между Россией и Турцией как ответа на уничтожение ею российского бомбардировщика, и неологизм **победобесие**, зазвучавший в Рунете и СМИ, когда карнавализация Дня Победы стала приобретать трагифарсовые черты, и многое другое.

Вместе с тем «Словарь перемен» — доказательство того, что осмысление политической реальности идет рука об руку с ее обыгрыванием: в нем огромное количество продуктов языковой игры, нацеленных на комический эффект. Среди них масса лексических новаций, буквально насыщенных насмешкой, таких как **пармезанить**, **перепатриот**, **Чебурнет**, **Дарья Тимурович** — мем, означающий «ложный предлог для отказа в регистрации партии или кандидата на политических выборах» и расширившийся до «ложного аргумента, подтасовки». Насмешкой дышат фразы **турецкий отдых** «**Все включено**» **сменился на крымский** «**Все выключено**» и **никогда еще россияне не жили так плохо, как при Обаме**, глаголы **свиолончелить**, **скрымзить**, **солимпиадить** и анаграмма слова **крымнаш**, звучащая как **намкрыш**. Даже ставший, по утверждению М. Вишневецкой, и мемом, и тегом **Домбас** (тег — содержательная метка для сетевых текстов в виде слова или выражения, позволяющая классифицировать и группировать их тематически. На основе «тега» сформировалось понятие «хештег» («хэштег») с близким значением [Словарь языка интернета.ru 2016: 221]), заимствованный из надписи на стене «Домбас независим» и с очевидностью доказывающий присутствие в украинском сепаратистском движении лиц местного происхождения, принимает комическую форму, невзирая на серьезность спровоцировавшей его появления ситуации [Словарь перемен—2014 2015: 53].

Упомянутые нами лексические единицы из «Словаря перемен», как и многие другие, составляющие преобладающую часть его вокабуляра, являют собой продукты русских словообразовательных моделей. Новые заимствования, конечно, есть, но они малочисленны (**хейтер**, **флейминг**, **хайп**). Новообразования же отечественного произ-

водства обнаруживают те же деривативные приемы, что и слова года: паронимическую аттракцию (*хапремонт, стерхдержава*), контаминацию (*олимпиард рублей, милициардер*), антропонимы (*мизулинг, пехтинг*), обыгрывание устойчивых выражений (фраза *дави гусей, спасай Россию*, возникшая после того, как в Татарстане бульдозером «казнили» запрещенные к ввозу тушки домашней птицы из Венгрии), обманутое ожидание (*белорусские мидии* как намек на то, что через страны Таможенного союза в Россию можно ввозить любой импорт), сокращения (*СМД* — средства массовой дезинформации) и пр. Есть в «Словаре перемен» и такие стремительно разбежавшиеся по социальным сетям неудобоваримые жаргонизмы, как *ржубль* (ржу + рубль) или *чотаржу*, слепленный из трех исходных элементов. Первое лексическое новообразование — реакция блогеров на падение курса рубля, второе — широко распространенное в 2014 г. в электронном пространстве речевое клише, быстро приобретшее характер хештега и заголовка. Подобные им расхожие клише в сетевом дискурсе представляют собой не просто вместилища насмешки; они, как отмечает Ксения Туркова, часто выступают маркерами сарказма, иногда даже с оттенком злорадства [Туркова 2014]. Сверх того, манифестируя эмоциональное отношение использующих их субъектов к сообщаемому, они освобождают последних от пространных логических доказательств собственной позиции и одновременно проводят четкую границу между своими — теми, кто принадлежит интернет-сообществу и употребляет сленговые выражения — и чужими, теми, у кого они не в ходу [Кронгауз 2012: 258]. Таким образом, предъявляемый «Словарем перемен» богатый арсенал лексических новинок, включающий и широко известные удачные вроде меткой метафоры *битва холодильника с телевизором*, и откровенно сленговые промахи типа *ржубль* и *чотаржу*, очевидно тяготеющие к столь популярному в недавнем прошлом «языку папонков», бесспорно обязан своим рождением, как правило, отечественному словопроизводству.

Итак, сегодня «Фейсбук», как и прочие социальные сети, активное средство непрямого диалога сетевого сообщества с властью. Диалога публичного, многогранного, насыщенного злободневным содержанием, вовлекшего в коммуникацию сотни тысяч людей и демонстрирующего отчетливую политизацию языка и сетевого дискурса. Как реакция на общественно-политические события, этот диалог часто остро критичен по

отношению к власти, ее высказываниям и решениям. Критическое осмысление реальности нередко подталкивает фейсбучных авторов к языковой игре, задействующей механизмы снижения и переворачивания оценочных смыслов, в том числе с помощью насмешки и порождения новых слов. Учтем, что такая языковая игра полностью отвечает ключевым особенностям современных российских речевых практик с их сверхвысоким эмоциональным накалом и тягой к оценочным перевертышам, порождаемой принципиальным дуализмом ценностных установок русской культуры в целом [Корниенко 2018]. Язык же, выстроенный по принципу «свой — чужой» и помогающий в силу наличия в нем определенных слов-маркеров опознавать «социально, поколенчески, идейно, территориально чужих» [Левонтина 2018: 214], в наши дни зримо высвечивает и политико-идеологические расколы в среде пользователей «Фейсбука». А несущие в себе дух времени слова года сохраняют для будущего перечень переживаемых обществом текущих событий и ответное к ним отношение.

Долгие годы в нашей стране язык каждого нового политического периода задавался сверху. Утверждался, как писал П. Бурдые, «новый дискурс власти, новый политический словарь со своими терминами и понятиями, со своими адресатами и ориентирами, со своими метафорами и эвфемизмами, — дискурс и словарь, за которыми стоит своя картина мира, связанная с новыми интересами новых властных групп» [Бурдые 2005]. Официальный язык повсеместно кодифицировался, официальный дискурс всеобщее воспроизводился посредством социальных институтов. Власть контролировала использование языка, справедливо усматривая в нем мощнейший символический рычаг социального управления. Подобное положение дел породило веру в незыблемость монополярной односторонней коммуникации, в ходе которой общество только потребляет официальный дискурс, сохраняя позицию бессменного реципиента. Между тем в настоящее время, когда декларируемые нами социальные ориентиры сопряжены со словами «демократия» и «развитие», общество нуждается в прямом двустороннем диалоге с властью, который предполагает и многоголосие его участников, и столкновение альтернативных позиций, и множественность рациональных аргументов и эмоциональных оценок, и конкурирующие обозначения социальных реалий. И открытую обоснованную критику власти. И учет мнения оппозиции — непреложного условия существования гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Мы оперируем термином «языковая игра» (а не близким к нему термином «речевая игра»), дабы подчеркнуть ее истоки: «знание системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [см.: Санников 1999: 15].

[2]. Согласно «Словарю языка интернета», под мемом понимается короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях. К настоящему времени слово *мем* уже обросло дериватами: *меметизироваться* (стать мемом), *меметизация* (превращение в мем) и разговорными вариантами *мемчик* и *мемес* [см. Словарь языка интернета.ru 2016: 200].

[3]. Насмешливые наименования для политического процесса усиления одной фамилии и для лишения гражданства, но таким удачным образом, что в результате утративший гражданство субъект приобретает налоговые льготы, окружается роскошью и почетом в той стране, куда он как бы «депардируется».

[4]. Изначальное наименование российских военных, чье участие в военном конфликте на востоке Украины официально не признается Россией, позже — обозначение контингента неофициальных военных формирований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Кристика и семиотика. 2004. Вып. 7.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (дата обращения: 14.05.2019).
3. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.html (дата обращения: 11.05.2019).
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.
5. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 12.06.2019).
6. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Вильде Б. В. Дневник и письма из тюрьмы. — М.: Русский путь, 2005.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. — М.: Едиториал УРСС, 2002.

A. V. Kornienko

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
ORCID ID: 0000-0002-0532-3760

E-mail: av.kornienko@mail.ru.

9. Гусейнов Г. Дневник лексикографа, или Нооскоп Марины Вишневецкой / Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

10. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени сквозь призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).

11. Иссерс О. С., Ганеева Д. А. «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: *диалог, оппозиция, креативный класс* // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45).

12. Закоян Л. М. Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингвокультуры [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-recheva-ya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokultury-abstract.html> (дата обращения: 22.05.2019).

13. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.

14. Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М.: Прогресс-Традиция, 1998.

15. Корниенко А. В. Слова года в непрямом диалоге с властью // Телескоп. 2018. № 2 (128).

16. Кронгауз М. А. «Вырабатываются специальные слова ненависти»: интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой // Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2015.

17. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. — М.: Астрель: CORPUS, 2012.

18. Левонтина И. Б. Почему не стоит волноваться о судьбе русской речи // Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

19. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. — М.: Наука, 1983.

20. Санников В. З. Русский язык в свете языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999.

21. Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2015.

22. Словарь перемен — 2015-2016 / авт.-сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2018.

23. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.

24. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004.

25. Туркова Ксения: словарный запас [Электронный ресурс]. Вып. 5. 18.08.2014. URL: <http://snob.ru/selected/entry/79814> (дата обращения: 18.06.2019).

26. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1.

27. Эпштейн М. Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6.

28. Эпштейн М. Н. Слова как символы эпохи [Электронный ресурс]: беседа с журналисткой Ксенией Лариной. 05.01.2013. // Сноб. URL: http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (дата обращения: 05.05.2019).

29. Эпштейн М. Н. Слово-2018. Подведены вербальные итоги года [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/146301> (дата обращения: 29.06.2019).

30. Facebook раскрыла ежедневную аудиторию в России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.sostav.ru/publication/facebook-raskryla-ezhednevnyuyu-auditoriyu-v-rossii-34499.html> (дата обращения: 03.05.2019).

Facebook Discourse in Indirect Dialogue with Authorities

ABSTRACT. *The article analyzes Facebook discourse as it is reflected in linguistic units contained in it: words, word combinations and phrases that became winners of the annual competition ‘The Word of the Year’ held in Russia over the last 12 years. The competition has an international status and aims to detect the words, expressions, and phrases which have either been already assimilated in the language, or have just appeared in the year under review, have become a public issue*

in the period under study and have provoked a public response. The selection of prize winners is recognized by the Expert Council of the Center for Creative Development of the Russian Language and is based on strict quantitative and qualitative selection criteria. Experts believe that the selected items reflect the true mindsets of the people and act as indicators of the emotional and intellectual state of society. The aim of the qualitative analysis of the sample of the competition prize-winners was to identify the key features of the units. This study makes it possible to determine some trends in the functioning of Facebook discourse, and specifically its evident politicization, critical attitude to statements and acts of authorities, negative overrating, and abundance of language game elements deliberately aimed to lower evaluation. The study also shows that the absolute majority of prize-winning neologisms arising as a response of Facebook users to managerial decisions of the authorities have Russian roots and are coined on the derivational basis of the Russian language. The results obtained indicate that the social network Facebook is nowadays an active participant in the indirect dialogue with the authorities. This dialogue is critical and highly emotional, it employs language game aimed to lower evaluative meanings and suggests alternative designations for social realities. And the words of the year capturing the atmosphere of our time, current affairs and the people's attitude to them outline the issues of a much needed two-way (bilateral) dialogue between society and power.

KEYWORDS: the word of the year; Internet; Internet discourse; language game; political discourse; Russian; social networks.

AUTHOR'S INFORMATION: Kornienko Alla Vladimirovna, Researcher, Department of Sociology of Power and Civilian Society, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Kornienko, A. V. Facebook Discourse in Indirect Dialogue with Authorities / A. V. Kornienko // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 46-56. — DOI 10.26170/pl19-05-04.

REFERENCES

- Basovskaya E. N. Creators of Black and White Reality: on Verbal Aggression in the Media // Criticism and semiotics. 2004. Issue. 7. [Tvortsy cherno-beloy real'nosti: o verbal'noy agressii v sredstvakh massovoy informatsii // Kritika i semiotika. 2004. Vyp. 7]. — (In Rus.)
- Blakar R. Language as an Instrument of Social Power [Electronic resource]. [Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti]. URL: http://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-sotsialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (date of access: 14. 05. 2019). — (In Rus.)
- Bolindzher D. Truth is a Linguistic Problem [Electronic resource]. [Istina — problema lingvisticheskaya]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_85.html (date of access: 11.05.2019). — (In Rus.)
- Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998]. — (In Rus.)
- Burd'e P. On the Production and Reproduction of a Legitimate Language. 2005 [Electronic resource]. [O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka. 2005]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (date of access: 12. 06.2019). — (In Rus.)
- Vezhbitskaya Anna. Semantic Universalies and Description of Languages / transl. from English A. D. Shmeleva, ed. T. V. Bulygina. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. [Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov / per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginy. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999]. — (In Rus.)
- Vil'de B. V. Diary and Letters from Prison. — Moscow: Russian Way, 2005. [Dnevnik i pis'ma iz tyur'my. — M. : Russkiy put', 2005]. — (In Rus.)
- Vol'f E. M. Functional Evaluation Semantics. 2nd ed., ext. — Moscow : URSS editorial, 2002. [Funktsional'naya semantika otsenki. 2-e izd., dop. — M. : Editorial URSS, 2002]. — (In Rus.)
- Guseynov G. The lexicographer's Diary, or Marina Vishnevetskaya's Nooscope / Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Dnevnik leksikografa, ili Nooskop Mariny Vishnevetskoj / Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
- Issers O. S. In Search of a Common Vocabulary: Discursive Practices of Modern Times Through the Prism of the Word of the Year Projects // Political Linguistics. 2014. No. 4 (50). [V poiskakh obshchego slovary: diskursivnye praktiki noveyshego vremeni skvoz' prizmovykh proektov «Slovo goda» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50)]. — (In Rus.)
- Issers O. S., Ganeeva D. A. "The New Russian Word" in the Context of Political Discourse: Dialogue, Opposition, Creative Class // Political Linguistics. 2013. No. 3 (45). [«Novoe russkoe slovo» v kontekste politicheskogo diskursa: dialog, oppozitsiya, kreativnyy klass // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45)]. — (In Rus.)
- Zakoyan L. M. Speech Aggression in the Linguistic Consciousness of Representatives of Russian Linguistic Culture [Electronic resource]. [Rechevaya agressiya v yazykovom soznanii predstaviteley russkoy lingvokul'tury]. URL: <https://dozplayer.ru/27986076-Zakoyan-l-m-rechevaya-agressiya-v-yazykovom-soznanii-predstaviteley-russkoy-lingvokul'tury-abstract.html> (date of access: 22.05.2019). — (In Rus.)
- Karasik V. I. Language Matrix of Culture. — Moscow : Gnosis, 2013. [Yazykovaya matritsa kul'tury. — M. : Gnozis, 2013]. — (In Rus.)
- Klemperer V. The Language of the Third Reich. Notebook Philologist / per. from German by A. B. Grigoriev. — Moscow : Progress-Tradition, 1998. [LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapishnaya knizhka filologa / per. s nem. A. B. Grigor'eva. — M. : Progress-Traditsiya, 1998]. — (In Rus.)
- Kornienko A. V. Words of the Year in an Indirect Dialogue with the Authorities // Telescope. 2018. No 2 (128). [Slova goda v nepryamom dialoge s vlast'yu // Teleskop. 2018. № 2 (128)]. — (In Rus.)
- Krongauz M. A. "Special Words of Hatred are Being Developed": Interview with Ksenia Knorre-Dmitrieva // Dictionary of Changes — 2014 / comp. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2015. [«Vyrabatyvayutsya spetsial'nye slova nenavisti» : interv'y u Ksenii Knorre-Dmitrievoy // Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015]. — (In Rus.)
- Krongauz M. Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown. 3D. — Moscow : Astrel : CORPUS, 2012. [Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 3D. — M. : Astrel' : CORPUS, 2012]. — (In Rus.)
- Levontina I. B. Why not Worry about the Fate of Russian Speech // Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Pochemu ne stoit volnovat'sya o sud'be russkoy rechi // Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
- Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture / under. ed. E.A. Zemsky. — Moscow : Science, 1983. [Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest / pod. red. E. A. Zemskoy. — M. : Nauka, 1983]. — (In Rus.)
- Sannikov V. Z. Russian Language in the Light of the Language Game. — Moscow : Languages of Russian culture, 1999. [Russkiy yazyk v svete yazykovoy igry. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999]. — (In Rus.)

21. Dictionary of Changes — 2014 / comp. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2015. [Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015]. — (In Rus.)
22. Dictionary of Changes — 2015-2016 / ed. M. Vishnevetskaya. — Moscow : Three squares, 2018. [Slovar' peremen — 2015-2016 / avt.-sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2018]. — (In Rus.)
23. Dictionary of the Internet.ru / under. ed. of M. A. Krongauz. — Moscow : AST-PRESS BOOK, 2016. [Slovar' yazyka interneta.ru / pod. red. M. A. Krongauza. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2016]. — (In Rus.)
24. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed., rev. and add. — Moscow : Academic project, 2004. [Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Akademicheskij proekt, 2004]. — (In Rus.)
25. Ksenia Turkova: Vocabulary [Electronic resource]. Vol. 5. 08/18/2014. [Turkova Kseniya: slovarnyy zapas Vyp. 5. 18.08. 2014]. URL: <http://snob.ru/selected/entry/79814> (date of access: 18.06.2019). — (In Rus.)
26. Shmeleva T. V. Keywords of the Current Moment // Collegium. 1993. No. 1. [Klyuchevye slova tekushchego momenta // Sollegium. 1993. № 1]. — (In Rus.)
27. Epshteyn M. N. Ideology and Language. Model Building and Comprehension of Discourse // Philosophical and Sociological Thought. 1991. No. 6. [Ideologiya i yazyk. Postroenie modeli i osmyslenie diskursa // Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'. 1991. № 6]. — (In Rus.)
28. Epshteyn M. N. Words as Symbols of the Era [Electronic resource]: conversation with journalist Ksenia Larina. 01/05/2013 [Snob. Slova kak simvoly epokhi : beseda s zhurnalistkoy Kseniey Larinoj. 05.01.2013. // Snob]. URL: http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (date of access: 05.05.2019).
29. Epshteyn M. N. 2018 Word. The Verbal Results of the Year [Electronic resource]. 2018. [Slovo-2018. Podvedeny verbal'nye itogi goda. 2018]. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/146301> (date of access: 29.06.2019).
30. Facebook Revealed a Daily Audience in Russia [Electronic resource]. 2019. [Facebook raskryla ezhdnevnyuyu auditoriyu v Rossii. 2019]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/facebook-raskryla-ezhdnevnyuyu-auditoriyu-v-rossii-34499.html> (date of access: 03.05.2019).